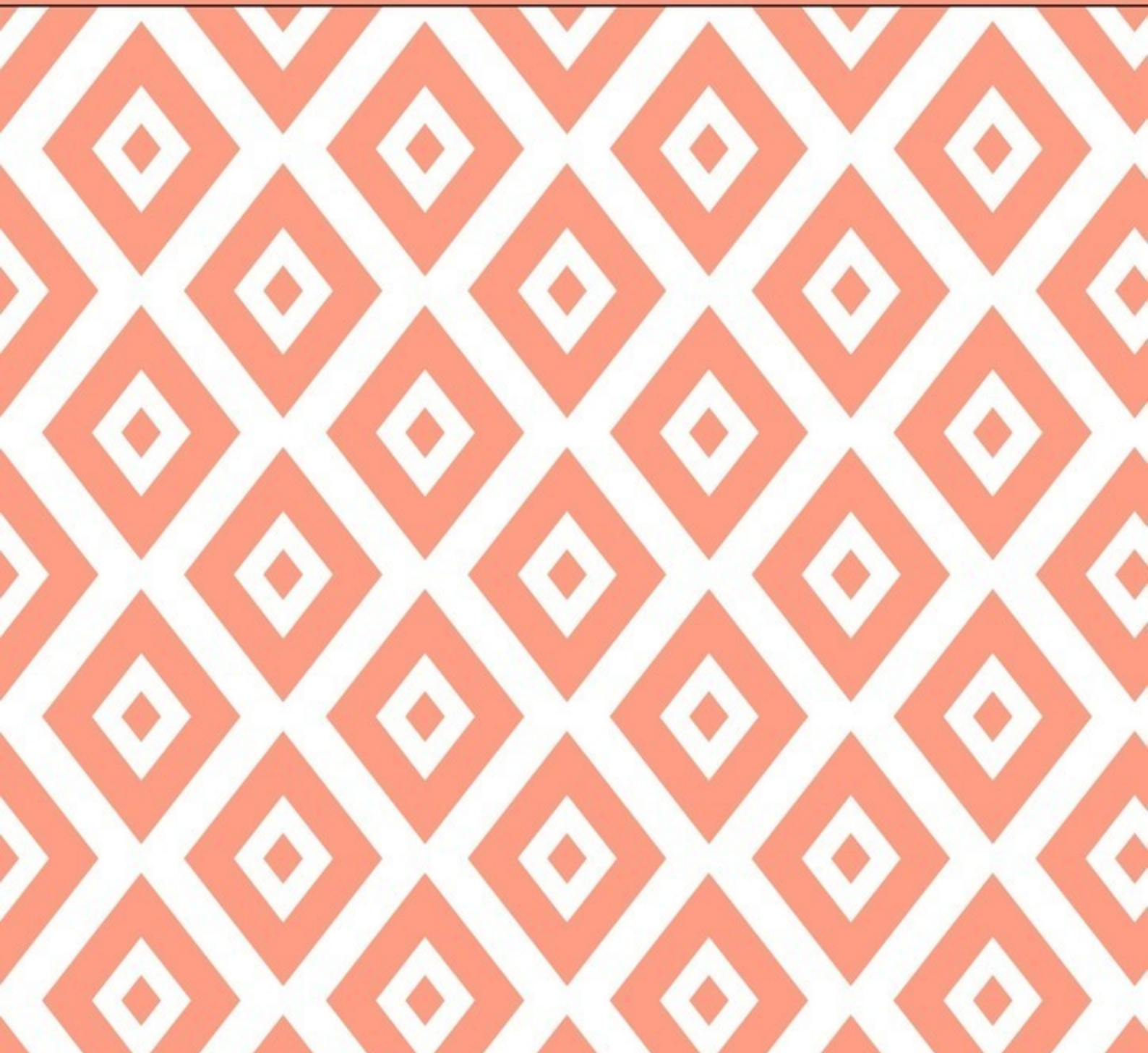

Анна Акулина

Все ради них

Анна Акулина

Все ради них

«Издательские решения»

Акулина А.

Все ради них / А. Акулина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834945-4

Повесть о несчастных людях со сломанными судьбами: пьющих, потерявших смысл жизни, веру в себя; а некоторых — и жилье. Главная героиня Лизка Пыжова, пережив немало горя и потрясений, находит в себе силы бросить пить и жить дальше. Осознавая, что главное в жизни — это дети; и для них и ради них стоит измениться и бороться за свое и их счастье.

ISBN 978-5-44-834945-4

© Акулина А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Все ради них

Анна Акулина

© Анна Акулина, 2016

ISBN 978-5-4483-4945-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Нет, наверное, более будоражащих кровь ощущений, чем те, что приносит раннее похмелье. Когда, еще не протрезвев после вчерашней пьянки, просыпаешься в три часа утра, наспех накидываешь верхнюю одежду и бежишь в круглосуточный магазин за выпивкой. Затем, спрятав бутылку в кармане пальто, спешишь домой в предвкушении предстоящего похмелья. В такие минуты даже огни ночного города становятся более приветливыми, и мир кажется таким ярким и волнующим, а жизнь – такой необыкновенной!

Прижав к себе бутылку «Таежной», Лизка поднималась пешком на четвертый этаж пятиэтажки. Быстрым шагом она прошла в конец коридора и открыла квартирную дверь. Скинув пальто и сапоги, прошла на кухню и, налив себе полстакана водки, залпом выпила живительный эликсир. По всему ее телу тут же разлилось приятное тепло, и от удовольствия девушка зажмурилась. Прихватив бутылку с собой, она прошла в комнату и села в кресло. Взгляд ее остановился на стоящем на телевизоре чайнике, расписанном причудливыми золотыми узорами. Лизка разглядывала рисунок, размышляя, что еще можно добавить к нему. Собственно говоря, чайник был уже почти готов; осталось добавить лишь несколько штрихов, и работу можно сдавать начальству.

Девушка плеснула еще немного водки в стакан и, выпив ее, надела наушники и включила Энигму. Она могла подолгу так сидеть, рассматривая свои творения и слушая музыку. От выпитого каждая мышца, каждая клеточка тела расслабились, и Лизка с удовольствием думала о том, как у нее, не имеющей художественного образования, получаются такие замысловатые узоры.

– Хорош пороть!

Лизкин муж Вовчик, сердито рыкнув на супругу, прошел в туалет. На обратном пути он еще раз окинул девушку грозным взглядом и лег досыпать. Работая в частной фирме у своего друга, обычно он вставал только в девятом часу; и поэтому спать ему еще оставалось долго. Не обращая на мужа никакого внимания, Лизка продолжала слушать музыку. Она перевела взгляд с чайника на окно и задумалась: «Все-таки какой же у нас уютный дом! Хорошо, что тополя, растущие рядом с домом, загораживают солнечный свет, и в комнате всегда тенок». Маленькая Вовкина квартирка была для нее дорога еще и тем, что в ней впервые за несколько лет она почувствовала себя спокойно. От воспоминаний о том, что было до встречи с мужем, ее корбило, и она очень хотела выбросить из головы и забыть свою прошлую жизнь.

После окончания вечерней школы Лизка поступила на вечерний факультет строительного техникума. К тому времени ей только исполнилось семнадцать лет, и она уже почти год работала художником в частной фирме, занимающейся росписью посуды. Директор фирмы Егоров Николай Васильевич был военным в отставке. Честнее человека в своей жизни Лизка не видела: он отчаянно пытался удержать фирму на плаву, несмотря на то, что девяносто пять процентов прибыли уходило на выплату налогов. Страдали от этого, понятно, только сами художники; и денег хватало только на то, чтобы свести концы с концами. Впрочем, тогда, в начале девяностых, так жили почти все.

Лизка была домашней девочкой, и вся ее жизнь укладывалась в простую схему: дом – работа – учеба – дом. Однако, поступая в техникум, она решила, что пора бы уже обзавестись парнем, и надеялась, что подружится с кем-нибудь из сокурсников. Так случилось, что единственным одноклассником, с которым ей было по пути, был немолодой мужчина по имени Стас. Поначалу он произвел на Лизку довольно отталкивающее впечатление: ей неприятны были его почти полностью седые волосы, мрачное выражение лица и запах изо рта. Но каждый раз, возвращаясь домой вместе с ним на трамвае, она все больше и больше привыкала к нему;

а однажды она приняла его приглашение заехать к нему в гости, и с тех пор они начали встречаться.

«Видимо, так заложено природой: если человек тебе неприятен, то нужно держаться от него подальше. Первое впечатление обычно не обманывает!» – Думала Лизка, вспоминая Стаса. События тех страшных лет, как одно мгновение, промелькнули у нее в голове: встречи с мужчиной вдвое старше ее; известие о наступившей беременности и заявление папаши о том, что он знать не знает ни ее, ни ее будущего ребенка; то, как брела она после этого по дороге, надеясь, что одна из проезжающих машин собьет ее; долгий месяц горя, страха и слез, закончившийся тяжелым абортom со многочисленными осложнениями. Лизка передернула плечами, вспомнив о том, как на следующий день после аборта несостоявшийся папаша пришел просить прощения, заявив, что она сама во всем виновата: оказывается, нужно было настаивать на своем и рожать, ну, а он бы никуда не делся, женился бы и принял ребенка. Едва державшаяся на ногах от боли девушка изумленно смотрела на него, и ей казалось, что она сходит с ума: убитый ребенок, ее искалеченная жизнь и изуродованное тело – все это было ошибкой, случившейся по прихоти самовлюбленного подонка.

Тем не менее, она простила его, и они продолжали встречаться; и еще несколько лет глупая девчонка лила слезы из-за годившегося ей в отцы самодура, пока наконец он ее не бросил, а она, придумав себе несчастную любовь, не начала пить. Последующие годы Лизке хотелось вспоминать еще меньше, чем предыдущие: разные компании, множество мужчин, постоянные пьянки, и даже одно время увлечение травкой. С Пыжовым Вовкой она тоже познакомилась на одной из пьянок и сразу же влюбилась в него: небесно-голубые глаза и спокойный характер будущего мужа полностью покорили ее. Он был полной противоположностью Стаса и очень хотел детей, но именно это обстоятельство чуть не погубило их брак. Первый аборт не остался без последствий, и на ранней стадии беременности у Лизки случился выкидыш. Вовка был сам не свой от горя, и с тех пор его отношение к жене переменялось. Она заметно раздражала его, и на первых порах он даже хотел расстаться с ней; и только по выходным, выпивая вместе и забывая все обиды, они снова мирились.

Именно в этот момент, сразу после выкидыша, в их однокомнатной квартире поселился Вовкин друг Коробов Сергей по прозвищу Короб. Он только вышел из тюрьмы; а к семье, в маленький соседний городок, возвращаться почему-то не хотел. Со времени его появления прошел уже год, и обоим супругам Короб изрядно надоел. Сейчас он лежал в дальнем углу комнаты на матрасе и похрапывал. Решив, что ей тоже нужно еще поспать, Лизка улеглась рядом с мужем и тут же заснула.

Проснулась она только в обед. Мужа дома не было, а Короб смотрел телевизор и похмелялся.

– Позвони Лильке! – Завел он старую песню, едва увидев проснувшуюся Лизку.

Лилька была лучшей подругой Лизки. Раньше они вместе гуляли и куролесили, а теперь она встречалась с Коробом. «Ладно, – подумала Лизка, – чайник подождет, можно погулять еще один денек!» И, наскоро собравшись, они направились к телефону-автомату, находящемуся около соседнего дома. Телефон у Лили не отвечал, и приятели отправились в соседнюю кафешку, именуемую в народе «Причалом». Там, выпив по сто пятьдесят грамм, они разговорились с завсегдаем забегаловки Толиком. Охранник Причала как раз ставил елку: до Нового года оставались считанные дни. За обсуждением наступающего праздника пролетел час, и приятели собрались домой. Именно в этот момент, выйдя на крыльцо кафешки, Лизка впервые увидела Татьяну. Пожилая женщина с опухшим пропитым лицом шла в сторону Причала, что-то бормоча себе под нос. Огромное, не по размеру, пальто и резиновые сапоги, драная шапка-ушанка – в таком нелепом одеянии она поднялась на крыльцо кафешки и зашла внутрь.

– Кто это? – Спросила Лизка у Толика.

– Танька-бродяжка, – ответил тот. – Мотается везде, живет как бомжиха. У нее дочь есть; она ее домой забирает, отмоет, вылечит, а та снова из дома сбегает. Так и бегают все время из дома – не хочет с дочерью жить!

– Пошли еще по соточке, и домой! – Предложил Короб, на что Лизка сразу же согласилась.

В это время в «приляпочной» бродяжка высыпала перед продавщицей горсть мелочи, и та налила ей на все деньги водки. Отхлебнув немного из стакана, Татьяна обернулась на звук открывающейся двери; рука у нее дрогнула и оставшаяся водка вылилась на стол. К изумлению Лизки, женщина принялась слизывать разлившуюся со стола жидкость. Поняв, что много водки таким образом она не соберет, Татьяна заплакала. Она молча стояла, уставившись несчастными глазами в противоположную стенку, а по щекам ее текли слезы. Столько горя выражало ее лицо, что Толик сжалился и купил ей еще стакан. Поблагодарив спасителя, бродяжка залпом выпила содержимое стакана и вышла на улицу. Под впечатлением от увиденного Лизка с Коробом отправились домой. По дороге они еще раз позвонили Лильке, и, не дождавшись ответа, зашли в свой подъезд.

По пьянке Лизка Короба любила, да и не только она: он был душой любой компании. За то, как он пел под гитару, ему многое можно было простить, в том числе и длительное пребывание в их с Вовчиком квартире. Придя домой, Сергей взял гитару, и до вечера они пели и вели душевные беседы. Надо сказать, что не только за это уважала Лиза Короба: она чувствовала себя уверенно, если он был рядом; чего, кстати, нельзя было сказать о муже – с тихим и спокойным Вовкой она не всегда чувствовала себя защищенной. С Сергеем она спокойно могла бродить по городу хоть всю ночь, Вовчик же в это время спокойно лежал дома перед телевизором.

«А за окном метель метет, белая красавица, скоро полночь настает, а водка не кончается!» – Пел Короб; и Лизка, глядя на него восторженными глазами, подпевала. Пели Ляписа Трубецкого, читали сказку «Сектора Газа»; а когда надоедало петь, сочиняли стихи и песни сами; и каждая новая открытая бутылка стимулировала их творческие порывы. За год пребывания Короба у Пыжовых у Лизки скопилась толстая пачка написанных совместно с Сергеем стихов; жалко было только, что показать их никому было нельзя: слишком много в них было допущенных по пьяни ляпов и мата.

На следующий день Лизка отвезла чайник начальнику. Надолго задерживаться в офисе она не стала, и, взяв новые заказы, поехала домой. На Новый год Егоров подарил всем сотрудникам по бутылке шампанского. С подарком в одной руке и с коробкой посуды в другой девушка ехала в автобусе и думала о директоре фирмы. За все эти годы он несколько не изменился: все та же бравая выправка военного и честное открытое лицо. Николаю Васильевичу тяжело пришлось в девяностые. Он несколько раз менял название фирмы, чтобы хоть как-то сэкономить на налогах, но денег все-равно катастрофически не хватало. И в итоге ему пришлось изменить сферу деятельности предприятия – из фирмы по росписи посуды фирма Егорова переквалифицировалась в рекламное предприятие, причем одно из самых известных в городе. И только Лизка и еще пара художников, не пожелавших переучиваться и трудиться в рекламном бизнесе, по-прежнему расписывали самовары и подносы; но делать это им приходилось на дому, так как помещение теперь было занято рекламщиками.

Поднявшись на свой этаж, Лиза открыла дверь и прошла в длинный коридор, соединяющий между собой несколько малосемеек. Окинув взглядом соседские квартиры, она зашла домой. Муж и Короб уехали сегодня на работу вместе, и дома никого не было. В коридоре послышался звук шагов, и, заглянув в глазок, Лизка увидела входящего в свою квартиру соседа Славку. Славка был добродушным голубоглазым цыганом, с Пыжовыми он был в дружеских отношениях. Недолго думая, она взяла шампанское и пошла к Славке. Одной бутылки оказалось мало, и сосед сбегал за второй.

Опьяневший Славка жаловался на то, что его жена не может родить ему ребенка и уговаривал Лизку родить ему сына; а та думала о подруге по несчастью и о том, как много женщин в девяностые понаделали ошибок и теперь мучаются, а с ними мучаются и их мужья; и кажется, что вся дальнейшая жизнь потеряла смысл: не для кого теперь жить и незачем. Обстоятельства у всех были разные, но одно объединяло этих несчастных женщин: из-за проблем с работой в те годы у них не было возможности обеспечить своих будущих детей. Так, вместе с соседом-цыганом, Лизка начала праздновать Новый 2001 год.

Новый год отмечали вместе с соседями. Плясали до упада с маленькой шустрой Ленкой под группу «Слейд»; слушали песни под гитару в исполнении ее шестнадцатилетнего сына Олега, учащегося музыкального училища, и, конечно же, в исполнении Короба; ходили в Причал, и отмечали праздник там, с завсегдатаями кафешки. Лизку Короб так и не дождался: она встречала Новый год с дочерью. Утром все улеглись спать и проспали до вечера.

Вечером приехал Вовкин начальник Леха, а с ним – их хорошая знакомая Марина. Раньше среди Вовкиных друзей Маринка считалась самой пьющей женщиной, но теперь Лизка могла с ней посоревноваться. Только если Лизка, напиваясь, всегда искала приключений; то выпившая Маринка вела себя спокойно и достойно; и даже будучи пьяной «в ноль», она могла сойти за трезвую, лишь остекленевшие глаза выдавали ее. Маринка занималась изготовлением и продажей «левой» водки, и у нее дома постоянно собирались различные компании. Со всеми своими клиентами она выпивала, и, обсуждая с ними их дела, старалась узнать у них секреты их бизнеса, чтобы самой заняться чем-то стоящим; но, в итоге, далее торговли водкой, дело не шло.

В десять часов вечера Короб должен был встретить друга – тот приезжал на поезде Москва – Владивосток. На вокзал поехали втроем: Сергей, Марина и Лизка. Маринка жила недалеко от вокзала, и с Коробом ей было по пути; пьяную же Лизку просто потянуло на приключения, с Вовкой дома ей было скучно. Перед дорожкой выпили по сто пятьдесят грамм привезенной Маринкой водки, затем добавили еще по стопке в Причале. В теплом такси приятелей разморило, и на вокзал они прибыли «в зюю» пьяные.

Начисто забыв о Серегином друге, Лизка с Коробом ломались в вагон прибывшего поезда и уговаривали проводников взять их с собой во Владивосток, обещая песнями под гитару отработать поездку. В конце концов авантюристов выпроводили из вагона, и поезд ушел. Лизка присела на скамейку рядом с задремавшей в ожидании приятелей Маришки; а Короб, подобно лемуру, повис на ограждающей платформу сетке и застыл. Тщетно пытались девушки его от нее отодрать, и так одни с вокзала и ушли. Далее их пути разошлись: Марина поехала домой, а Лизку понесло куда-то за вокзал, где находились склады и базы.

Народ всю отмечал Новый год, в том числе и на складах. В одну из шумных компаний попала и Лизка, но задержалась там недолго; и вскоре она уже снова брела по безлюдной дороге, не зная куда и зачем. Была у нее такая особенность – напиваясь, она всегда чего-то искала, может быть, свое потерянное счастье; куда-то шла, будто какой-то невидимый проводник вел ее.

Рядом остановился какой-то «джигит» на восьмерке:

- Тебе куда?
- Куда глаза глядят!
- Ну, садись, подвезу!

Болтая о том, о сем, проехали уже полдороге до Лизкиного дома, когда та заявила:

- А поехали на загородное кладбище!
- Зачем? – Изумлению водителя не было границ.
- У меня там отец похоронен, а у него сегодня день рожденья. Хочу повидаться!
- Ну, поехали!

Отцовскую могилу Лизка нашла сразу: она была крайняя от дороги. Постояв около нее несколько минут, девушка села в машину. Отъехав от кладбища меньше, чем на километр, «джигит» заехал в соседний лесок и потребовал «платы» за проезд. Обидевшись на отказ, он высадил Лизку в лесу и уехал; однако, вскоре вернулся, и довез ее почти до дома, но на этот раз молча, не желая разговаривать с обидчицей.

До дома оставалось минут двадцать ходьбы, и девушка решила срезать путь, пройдя по железнодорожным путям. Здесь находилось депо и ночевали электрички. В одной из них – мягкой Пензенской – праздновали Новый год железнодорожники. Увидев бредущую по путям Лизку, они позвали ее к себе. В электричке было тепло и уютно; но самое приятное впечатление производил бар, в котором был большой выбор различных сортов бутылочного пива. Веселый румяный проводник посадил Лизку в купе отогреваться, а сам куда-то исчез. Прошло десять минут, мужчина все не объявлялся; сидеть без дела было скучно, и девушка пошла осматривать вагон. В голове щелкнуло: «Пора сваливать, если не хочешь стать добычей нескольких пьяных мужиков!» Однако все двери оказались закрытыми; открыть можно было лишь форточку в купе. Недолго думая, Лизка прихватила две бутылки «Балтики»; и, выкинув их в широкую просторную форточку, сиганула вслед за ними.

Одна из бутылок затерялась где-то в снегу, но искать ее времени не было; и девушка помчалась вдоль вагона в сторону дома. Пролезя через огромную дыру в заборе, она очутилась на дороге, ведущей к дому; и тут же рядом с ней притормозила десятка. За рулем сидел симпатичный усатый мужчина лет сорока, и Лизка уселась рядом с ним. Усатый увез девушку в соседний микрорайон, оставил в машине, а сам пошел в ларек; и именно в этот момент та решила, что на сегодня приключений достаточно, вылезла из автомобиля, и отправилась домой. Тут мирно похрапывали Вовчик и Короб. Лизка упала на диван и заснула «без задних ног».

Глава 2

Память – странная штука. Некоторые моменты жизни вспоминаются настолько ярко и отчетливо, будто все произошло только вчера: вспоминается каждый запах, каждый звук; и кажется, что откроешь глаза и окажешься где-то далеко, в прошлой жизни; словно бы и не было долгих лет, отделяющих нас от нашего прошлого.

Лизка любила вспоминать свое детство; особенно беззаботные и счастливые летние месяцы, проведенные в деревне у бабушки и дедушки. Не было на свете места красивее, чем затерявшееся между холмами маленькое село, в котором она проводила каждое лето. Взобравшись на высокий холм и разглядывая открывающуюся на десятки километров панораму: широко разлившуюся Волгу, леса, поля и фруктовые сады; маленькая Лиза думала о том, что она самый счастливый человек на земле. И детство, и счастье – все закончилось в один момент, с появлением Стаса. Лишь изредка девушка приезжала в деревню в гости. Поглощенная своим горем и своими уже не детскими проблемами, Лизка не замечала ничего вокруг: ни болезни бабушки, ни бесконечных пьянок не желавшего ухаживать за ней деда; и, даже на похоронах бабушки и ушедшего вслед за ней дедушки, девушка была сама не своя, не чувствуя ничего: ни боли, ни горя, было лишь ощущение пустоты; казалось, что тогда, в двадцать лет, жизнь закончена, и ничего хорошего больше уже случится не может.

Отлеживаясь после новогодних праздников, Лизка вспоминала деревню. Не было никакого желания возвращаться туда теперь, когда дом опустел. Вся красота родных мест меркла от одной мысли о том, что ни бабушки, ни деда там уже нет и никогда не будет. Однако, именно детские воспоминания, неотъемлемой частью которых были бабушка и дед, всегда ее успокаивали.

В моменты, когда Лизке хотелось помечтать, она покупала бутылку «Степного» бальзама, недавно появившегося на прилавке соседнего магазина и обладающего волшебным эффектом. В лечении похмелья бальзаму не было равных: смесь сорока трав, настоянных на спирту, в момент приносила облегчение.

Выпив стакан спасительного зелья, девушка задремала. Смесь чудодейственных травок действовала подобно наркотику: яркие, похожие на реальность сны, сменяли один другого; и Лизка научилась управлять ими, выбирая места и времена, в которых она хотела бы находиться. Почему-то хотелось не на море и не в какую-нибудь экзотическую страну, а в любимые места; и она путешествовала по ним, заходя в дом к бабушке и деду, гуляя по вишневым садам и наслаждаясь свежестью раннего утра на лесном озере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.